

Однако наиболее широкое распространение в IV—V вв. приобретает в полной мере узаконенная в начале IV в. продажа свободными своих детей (*filium filiamque, sanguinolentos*) в рабство⁸². Как правило, она была вызвана бедственным положением семей свободных (*si quis propter nimiam paupertatem*), желанием спасти семью от голодной смерти, от задолженности частным лицам, задолженности по государственным налогам. Но право главы семьи открывало широкие законные права отца на продажу своих детей в законное рабство⁸³.

В Кодексе Феодосия содержатся три статьи Константина, одна статья Феодосия от 391 г. и одна Валентиниана III о продаже детей их родителями. В Кодексе Юстиниана вошел один эдикт Диоклетиана и Максимиана и два закона Константина из Кодекса Феодосия, причем с несколько измененным текстом. Какова эволюция этого законодательства (CTh, XI, 27.1 — 315 г.; XI, 27.2 — 322 г.; V, 10.1; CJ, IV, 43.2 — 329 г.; CTh, III, 3.1 — 391 г.; Nov. Val., XXXII, 1 — 451 г.)?

В 294 г. Диоклетиан и Максимиан издают эдикт, формально запрещающий продажу детей их родителями (CJ, IV, 43.1 — 294 г.). Однако это принципиальное положение осуществить практически было невозможно. В 329 г. император Константин разрешает продавать своих детей родителям только *propter nimiam paupertatem* (CTh, V, 10.1 — CJ, IV, 43.2).

За родителями сохраняется право их выкупа. Обращает на себя внимание не особенно благоприятное отношение законодателя к интересам выкупающих родителей: они должны были выплатить не прежнюю цену, которую получили, допустим, даже с какой-либо добавкой, но прямую рыночную цену своего ребенка на данный момент или дать взамен этого ребенка раба⁸⁴. Кстати сказать, данный закон является лишним подтверждением подлинно рабского состояния проданного ребенка, если за него официально требовалось возмещение рыночной цены или прямая отдача взамен раба (*aut mancipium pro huiusmodi praestet*).

Упоминание не только о выкупе, но и замещения рабом в известной мере свидетельствует не только о возможности наличия раба, т. е. возможном изменении материального положения его родителей, но также и об учете желания владельца ребенка получить взамен не возмещение — цену, а именно раба⁸⁵. Возможность изменения материального положения массы бедствующих свободных в лучшую сторону была, судя по всему, не правилом, а исключением, и, следовательно, большая часть проданных в рабство детей, очевидно, так и продолжала оставаться в нем, пополняя число взрослых рабов.

О росте значения этого источника в V—VI вв. свидетельствуют изменения, внесенные в закон Константина при включении его в Кодекс Юстиниана. Прежде всего, расширяется сфера действия этого закона. Ранее адресованный жителям Италии и, следовательно, могущий рассматриваться лишь как косвенно относящийся к другим провинциям, он теперь прямо адресуетя всем жителям империи — «провинциалам» (*provincialibus suis*. — CJ, IV, 43.2).

Характерно, что уже в эпоху Феодосия предпринимаются известные попытки ограничения прав купивших. Эдикт Феодосия от 391 г. (CTh, III, 3.1) разрешал родителям при определенных условиях возвращать

⁸² CTh, XI, 27.1 (315 г.); XI, 27.2 (322 г.); V, 10.1; CJ, IV, 43.2 (329 г.); CTh, III, 1 (391 г.); Nov. Valentin, XXXII, 1 (451 г.).

⁸³ CJ, IV, 43.2; *venditione in hoc tantummodo casu valente emptor obtinendi eius servitii habeat facultatem*; З. В. Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 3.

⁸⁴ Последнее положение не исключает как возможности изменения материального положения родителей к моменту выкупа, так и того, что ребенок мог быть продан в рабство при наличии у семьи по крайней мере одного раба, необходимого для прокормления семьи.

⁸⁵ Ср. W. L. Westermann. Op. cit., p. 135.